

В.В. Крестовский

Панургово стадо

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К80

К80 **Крестовский В.В.**
Панургово стадо: Часть 2 / В.В. Крестовский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 286 с.

ISBN 978-5-518-10299-6

ISBN 978-5-518-10299-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I. Въ коптлѣ.

18-го сентября 1861 года, утромъ, въ полвишѣ девятого часа, Хвалынецъ шелъ въ университетъ. Въ этотъ день открывались лекціи. Шель онъ бодро и весело, въ ожиданіи встрѣчь со старыми товарищами, со знакомыми профессорами.

„Что-то предстоитъ на нынѣшній годъ? какія дѣла, какіе интересы? будетъ ли все такъ же, по-прежнему, процвѣтать своя домашняя, университетская „публицистика“? что *Сборникъ* студентскій? что „басса“, сходки? Фишеръ, конечно, по-прежнему будетъ вѣщать, что „педагогика раздѣляется на три половинны, изъ которыхъ первая говоритъ о воспитаній, но вторая равно о воспитаній, а за то третья... тоже о воспитаній.“ Ну да, впрочемъ. Фишеръ — Богъ съ нимъ! Еще одинъ годъ — кандидатскій дипломъ

въ руки — и гуляй себѣ Константинъ Семеновичъ по бѣлому свѣту, распоряжайся своею личностью какъ признаешь удобнѣе!“

Весело мечтая такимъ образомъ, Хвалынцевъ почти и не замѣтилъ какъ очутился предъ университетскимъ подъѣздомъ.

— А! старая гвардія! привѣтливо, какъ стараго знакомаго, встрѣтилъ его въ сѣняхъ, на площадкѣ, почтенный университетскій швейцаръ. — Старая гвардія! добро пожаловать! съ новымъ курсомъ, съ новымъ счастьемъ!

— Здорово, Савельичъ! Спасибо тебѣ! А что новаго?

— О, новаго много, много новаго! полны карманы наложнись новостей, и то не оберешься! махнувъ рукой, ухмыльнулся старый Савельичъ. — Письмо есть къ вашей милости, нѣсколько дней ужъ лежатъ.

И порывшись у себя на столнкѣ, гдѣ у него обыкновенно раскладывались письма адресованныя въ университетъ на имя студентовъ, онъ старчески внимательно, поодаль отъ глазъ разобралъ надпись и подалъ Хвалынцеву запечатанный конвертъ.

— Ну, ладно, послѣ прочтемъ на досугѣ, проворчалъ себѣ подъ носъ студентъ, и сунувъ

письмо въ боковой карманъ разстегнутаго сюртука, повѣсилъ пальто и быстрыми шагами поднялся навѣрхъ по лѣстницѣ. Какъ разъ на верхней площадкѣ, носъ къ носу, столкнулась съ нимъ единая отъ полицейско-университетскихъ властей.

— Ай, ай, господниъ Хвалынцевъ, опять воротнички! опять воротнички у васъ выпущены! и въ прошломъ году воротнички, и въ позапрошломъ воротнички, и нынче опять воротнички, говорила власть, тщетно старалась принять авторитетный тонъ, ибо чувствовала что въ послѣдніе годы авторитетъ ея сильно расшатался.

— Ну да, Александръ Ивановичъ, и воротнички, и волосы длинноваты, это вѣдь мой всегдашній недостатокъ! Ничего, свои люди, какъ нибудь сочтемся! полуншутя, полунебрежно отвѣтилъ студентъ, проскальзывая въ дверь мимо власти, которая только развела руками да головой во слѣдъ ему покачала.

Въ длинномъ университетскомъ корридорѣ, тамъ и сямъ, около аудиторій, сложились довольно уже людныя группы студентовъ. Въ этихъ слоющихся группахъ даже непривычный глазъ могъ бы сразу отличить новичковъ отъ „старой гвардіи“, по выраженію Савельича. Ста-

рая гвардія бойко ходила, громко говорила, весело смѣялась и держала себя по-домашнему „своими людьми“, съ видимою независимостью; повички же, тщательно застегнутые на все пуговицы, отличались несмѣлостью движеній и взглядовъ, и въ выраженіи лица еще всецѣло носили робкое и почти идеальное благоговѣніе ко „храму науки“.

Мимоходомъ кивнувъ кой-кому головой, кой-кому пожавъ на ходу руку, Хвалынцевъ миновалъ наконецъ длинный корридоръ и спустился внизъ, въ курильную комнату, прозванную студентами по-просту „коптилкой“. Тамъ — все по-старому: тѣ же грязножелтые стѣны, тѣ же двѣ-три убогія скамьи, тотъ же дымъ и окурки, тотъ же подслѣповатый сторожъ со своимъ запахомъ, и тотъ же бородатый маркитантъ въ синей поддевкѣ, а у маркитанта все тѣ же неизмѣнные бутерброды съ колбасой и сыромъ да слоеные пирожки съ яблоками, вкусъ которыхъ уже много лѣтъ отлѣнно хорошо знакомъ всему университету.

Коптилка была полна молодежью. Кромѣ спящихъ студентскихъ воротничковъ, составлявшихъ, конечно, значительное большинство, тутъ въ разныхъ углахъ видѣлось довольно таки

много военныхъ усовъ съ офицерскими погонами, нѣсколько черныхъ чамарокъ и кавказскихъ чекменей, нѣсколько поддевокъ, партикулярныхъ сюртуковъ и жакетокъ. Несмотря на ранній часъ утра, табачный дымъ уже стоялъ коромысломъ, и не одинъ десятокъ молодыхъ звучныхъ голосовъ кричалъ и надсѣдался что есть мочи, горячо стараясь перекричать всѣхъ остальныхъ, чтобы подать свое личное мнѣніе въ какомъ-то общемъ спорѣ. Что это былъ за споръ, свѣжему человѣку разобрать не представлялось ни малѣйшей возможности, потому что коптилка была преисполнена невообразимымъ гамомъ и гуломъ. Въ одной изъ группъ, прислонясь спиною къ окну, стояла молодая и довольно недурненькая собою дѣвушка, съ кокетливо отброшенными назадъ короткими волосами, въ синей кашемировой юпкѣ, безъ криolina, и съ узенькою ленточкой синяго галстучка, облегавшаго мужской стоячій воротничокъ батистовой манишки. Флацелевая темная гарибальдійка скрывала ея стройную талию. Дѣвушка, поминутно щури изъ-подъ синихъ очковъ свои глазки, курила паотманъ папирску и горячо о чемъ-то говорила цѣлой группѣ разношерстной молодежи. Подлѣ нея, взмогивавшій на подокошникъ и свѣсивъ оттуда ноги, сидѣлъ

и ораторствовалъ молодой студентъ въ золотыхъ очкахъ. Выразительные глаза и красивое, но не совсѣмъ пріятное лицо его носило на себѣ явный отпечатокъ еврейскаго типа. По его костюму, которому онъ тщательно старался придать демократическую небрежность, все-таки ясно можно было видѣть, что студентъ этотъ — сынъ очень богатыхъ родителей.

— А! Хвалынецъ! Вотъ и онъ! здравствуй! Сюда, сюда! скорѣй сюда! дѣло есть! Слышалъ? накинулось на студента нѣсколько наиболѣе знакомыхъ ему молодыхъ людей, едва лишь онъ успѣлъ переступить порогъ копилки.

— Въ чемъ дѣло, господа? какое дѣло? гамъ такой что и разобрать ничего невозможно.

— Общее дѣло! Петлю надъ нами затягиваютъ! мертвую петлю! говорятъ сходки запрещены, кричали разные голоса.

— Какъ запрещены? возразилъ удивленный Хвалынецъ.

— Да это не все: касса отъ насъ отобрана, пособія изъ нея присуждаются не студентами, а инспекторомъ; редакторовъ и депутатовъ будетъ избирать правленіе университета.

— То есть, университетскій совѣтъ? въ

видѣ наиболѣе точной поправки спросилъ Хвалыщевъ.

— Нѣтъ, не совѣтъ, а правленіе, то-есть канцелярія : секретарь, спидикъ, казначей и чиновники.

— Вздоръ! Это не имѣетъ смысла!

— О смыслѣ не говорятъ, говорятъ о фактѣ. Хвалыщевъ недоумѣло пожалъ плечами.

— Вы шиче держали переходной экзаменъ? спросилъ его съ окошка студентъ въ золотыхъ очкахъ и съ еврейскимъ типомъ лица.

— Нѣтъ, не держалъ; а что?

— А то что, значить, похѣрять изъ университета.

— За что? Коли я по праву могу не держать изъ третьяго въ четвертый!

— По праву? было такое да сплыло! Теперь, если вы не держите экзамена, или не выдержали его, вонъ безъ дальнихъ розговоровъ! Свидѣтельства о бѣдности тоже похѣрены: и бѣдный, и богатый — все равно плати 50 рублей, а нѣтъ ихъ — вонъ! Матрикулы какія-то вводятъ...

— Какъ... что... матрикулы? Это еще что такое? что это за матрикулы?

— Чортъ ихъ знаетъ!... Яснаго понятія на этотъ счетъ не имѣется.

— Господа, да этого быть не можетъ! этому вѣрить нельзя! проговорилъ озадаченный Хвалыщевъ.

— Повѣринишь какъ на собственной шкурѣ почувствуешь.

Да вы что? Вы за правительство, что ли? вызывающимъ тономъ обратился къ нему одинъ изъ близь-стоявшихъ студентовъ.

Хвалыщевъ вспыхнулъ, и несмущенно глядя ему въ глаза, произнесъ твердо и отчетливо:

— За здравый смыслъ. Все это, повторяю, не имѣетъ смысла. Кто вамъ сказалъ это?

— Да вы откуда сами-то? Изъ Японіи, что ли, пріѣхали? Кто сказалъ!... Весь городъ говоритъ! въ газетахъ офиціально отпечатано!

— А намъ-то было ли объявлено офиціально чрезъ попечителя, чрезъ ректора, чрезъ начальство?

— Начальство!... Ха, ха, ха! Начальство струсило!... Его и цѣтъ, оно и не показывается!

— Что же дѣлать теперь?

— Объ этомъ-то вотъ и толкуется!

Хвалыщевъ, по пріѣздѣ изъ Славнобубенска, все лѣто, почти до вчерашняго дня, прожилъ у

одного своего пріятеля, въ тиши и глуши чухонской деревушки на финляндскомъ берегу, прожилъ безъ газетъ, безъ писемъ, безъ новостей, и теперь вернулся въ Петербургъ къ началу курса, не имѣя обо всѣхъ университетскихъ перемѣнахъ ни малѣйшаго понятія. Все услышанное въ копилкѣ ударило его какъ обухомъ. Чувство досады и злобы охватило. Какъ, за что, почему? закипали въ немъ протестующіе вопросы.

Число людей наполнявшихъ копилку съ каждою минутою возрастало, и общій шумъ становился все сильнѣе. Сдѣлалось ужъ очень тѣсно и душно, табачный дымъ ѣлъ глаза, шумъ голосовъ, старавшихся перекричать другъ друга, немилосердно раздиралъ барабашную перепонку. И все-таки невозможно было понять что-либо въ этомъ гамѣ, и чѣмъ больше наполнялась копилка, тѣмъ запутаннѣе становилось дѣло. Каждый въ отдѣльности зналъ какія причины вызвали эту сходку, но никто не понималъ о чемъ въ сущности въ данную минуту идетъ весь этотъ гвалтъ, о чемъ и кто собственно спорить, чего кто хочетъ, что слѣдуетъ предпринять и на что рѣшиться? Лекціи уже читались въ аудиторіяхъ, но о нихъ не думали: большинство студентовъ

было въ копилкѣ. Ежеминутно то одинъ ораторъ, то вдругъ нѣсколько заразъ вскакивали на скамейки, на подоконники, кричали, махали руками, тщетно требуя слова — шумъ не умолкалъ. А если кому изъ этихъ ораторовъ и удавалось на нѣсколько мгновеній овладѣть вниманіемъ близъ-стоящей кучки, то вдругъ на скамью карабкался другой, перебивалъ говорящаго, требовалъ слова не ему, а себѣ, или вступалъ съ предшественникомъ въ горячую полемику; слушатели подымали новый крикъ, новые споры, ораторы снова требовали вниманія, снова вызвали надеждающимся до хрипоты голосомъ, жесты-кулировали, убѣждали, ораторовъ не слушали, и они, махнувъ рукой, послѣ всѣхъ усилій, покидали импровизованную трибуну чтобъ уступить мѣсто другимъ, или снова появиться самимъ же черезъ минуту, и, увы! все это было совершенно тщетно. Прошло уже около часу, а дѣла не пришло еще даже къ намеку на какой-либо результатъ.

Хвалынецъ сталъ приглядываться къ группамъ спорщиковъ, стараясь уловить хоть въ одной изъ нихъ какую-нибудь нить настоящаго серьезнаго дѣла, и вдругъ, къ удивленію своему, увидѣлъ старую знакомую физиономію, которую никакъ не ожидалъ встрѣтить здѣсь въ эту минуту.